

ББК 63.529(=64)-7

*Т.И. Шараева***Обереги в детском цикле у калмыков**

Ключевые слова: детство, обереги, семантическое значение, калмыки, традиционное мировоззрение.
Key words: childhood, the oberegs, semantic meaning, Kalmyks, traditional world – view.

Семейная обрядность в культуре любого народа является ритуализированным отражением традиционных представлений о жизненном цикле, а также верований и культов. Наиболее ярко это проявляется в родильной обрядности, которая, обеспечивая «введение новорожденного в сферу социального из сферы природного», регулирует отношения между поколениями, что является залогом стабильности существования социума. Согласно представлениям калмыков, этому процессу способствуют также различные охранительные меры, основанные на народном опыте и традиционном мировоззрении, проводимые с момента рождения и в течение всей жизни. Особую роль играют обереги детского цикла.

Традиционная ценностная установка калмыцкой семьи – многодетность. Тяжелые условия кочевого быта, связанные с ними высокая рождаемость, а также высокая детская смертность, заставляли калмыков прибегать к различным охраняемым мерам еще начиная с периода внутриутробного пребывания ребенка, поскольку, по поверью, он в этот период уже начинает взаимодействовать с окружающим миром. На беременную женщину налагались различные запреты, от нее требовали соблюдения определенных правил поведения. Ей запрещалось посещать родовые места, похороны, выходить на улицу с наступлением сумерек; поднимать руки высоко над головой, перешагивать через веревку, завязывать узлы – все это приравнивалось к возведению препятствий нормальному течению беременности. Пищевые запреты для беременной женщины большей частью основывались на принципах контактной и имитативной магии. Так, например, нельзя было есть верблюжатину – будет носить ребенка 12 месяцев [1, с. 90]. Этот запрет был связан с поверьем, что верблюдица легко отказывается от верблюжонка [ПМА: 1]. Существовало табу на поедание мяса животных с увечьями от рождения (слепых, хромых и т.д.), чтобы ребенок не родился с подобными недостатками. Аналогичные представления о появлении детей с врожденными патологиями лежали и в основе запрета на поедание зайчатины и волчатины (заячья губа, волчья пасть). Беременной женщине запрещалось есть вареное коровье вымя, так как в ближайшем будущем она сама станет кормилицей [ПМА: 1].

Цель нашей работы – показать обереги как основные средства охраны младенческого периода и первого года жизни у калмыков в XIX–XX вв., их семантическое значение. В калмыковедческой литературе отсутствуют отдельные исследования, посвященные изучению обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей. Однако по данной теме встречаются фрагментарные описания как в материалах путешественников и исследователей XVIII – начала XX в. [2–7], так и в работах современных ученых [8–11].

Появление ребенка – большое событие не только для всех членов калмыцкой семьи, но и ближайших родственников, всего рода в целом. Родители приглашали «родственников, однохотонцев, соседей и устраивали большое угощение» [10, с. 203], на которое они приходили с подарками. Большая часть подарков имела охранное значение и была призвана обеспечить магическое покровительство рода в будущем. В качестве подарков новорожденному дарили, например, серебряные монеты и раковины каури, называвшиеся калмыками «змеиные головки» моголан толга. Как отмечал И.А. Житецкий, калмыки «такие раковины «змеиные головки» или серебряные монеты (из тех, что подарили в день его рождения старшие родственники) вплетали в волосы детям в качестве оберега» [2, с. 27]. Символика змеи в калмыцкой культуре неоднозначна, она является в том числе символом защиты, плодородия и женского начала [12, с. 242]. По данным информантов, раковинами каури обшивали ворот и переднюю часть детской рубашки, составляя зигзагообразный узор, подобно движению тела змеи при перемещении. По сообщению информантов, допускалось обшивание раковинами каури только левой части детской рубашки непосредственно над сердечной областью [ПМА: 3].

Из серебряных монет делали амулеты, которые носили на шее или на кистях рук [ПМА: 4], поскольку серебро, по представлениям калмыков, обладает способностью охранять от нечистой силы. При этом большое значение имело достоинство монет. Обычно ребенку дарили серебряный рубль или 20 копеек серебром (согласно калмыцкому счету, 20 копеек соответствуют 70 «деньгам»), символизировавших возрастную рубеж в 70 лет, считавшихся у калмыков глубокой старостью. Одаривание монетой «означало пожелание долгой жизни» [13, с. 4]. Это также обеспечивало символическую защиту от действия принципа конечности, которое в калмыцкой культуре связано с

понятием исчисляемых и неисчисляемых объектов [14, с. 499]. На пиру по случаю рождения ребенка у калмыков существовал обычай дарения молодняка скота мал заах, выступавшего гарантом собственного хозяйства в будущем и обеспечивающего полноценное вступление во взрослую жизнь.

Если новорожденный – мальчик, то на пиру по случаю его рождения обязательно варили заднюю ножку барана. От нее отделяли большую берцовую кость, очищали от мяса, а после прочтения стариками благопожеланий йорялей убирали на хранение в сундук или на алтарь. С этого момента кость считалась принадлежащей мальчику, его оберегом [4, с. 20]. Если в семье часто умирали новорожденные, то для сохранения жизни очередного малыша калмыки проводили обряд жертвоприношения огню гал тьялгн, после которого также оставляли большую берцовую кость жертвенного животного «в течение длительного времени как талисман» [15, с. 366]. Согласно представлениям калмыков, в большой берцовой кости сокрыта сакральная субстанция, дарующая жизненность и чадородие, что и определяет использование ее как оберега. Хранение кости отдельно от ребенка было обусловлено верованием в возможность влияния на нее нечистых сил, следствием которых могла быть гибель ребенка. Необходимо также отметить использование большой берцовой кости у калмыков как главного атрибута при проведении ритуала бракосочетания.

Ребенок, рожденный вместе с внутриутробной пленкой («в рубашке»), считался у калмыков счастливым от рождения – кишгтя, сян заята. Калмыки придавали этому большое значение. «Рубашку» очищали, сушили, аккуратно складывали, обворачивали тканью и изготавливали личный оберег, который хранился на алтаре. Если рождалась девочка в «рубашке», то родители стремились не отдавать ее замуж далеко от своего рода. Считалось, что счастье кишг может уйти из дома вместе с ней [ПМА: 4]. Особо берегли пленку, которая была на голове новорожденного. При заболевании ребенка ее использовали как лекарство, при этом в качестве лекарства она могла быть использована для всех детей из близкородственных по мужской линии семей [ПМА: 4].

Личным оберегом могла служить отпавшая пуповина. Как отмечал У. Душан, «...пуповину родители ребенка берегли как зеницу ока, потеря ее равносильна потере самого ребенка, ибо, по верованию калмыков, подобная потеря грозит ребенку смертью» [16, л. 48]. Пуповину хранили на алтаре в особом мешочке подальше от посторонних глаз [ПМА: 5]. Информанты отмечали сохранение подобной практики до 70-х гг. XX в. В настоящее время медицинские работники отмечают множественные просьбы рожениц об изъятии пуповины при выписке из родильных домов.

Буддийская религия привнесла практику наделения личным талисманом бу, составленным согласно астрологическим показателям. Он представлял собой

исписанный молитвами листок бумаги, обернутый тканью или кожей. Для изготовления талисмана бу родителями приглашался священнослужитель. После прочтения молитвы он «совершал обряд омовения святой водой... и давал ребенку амулет бу, который должен был служить ему оберегом от всех несчастий и носился всю жизнь» [8, с. 50]. Как отмечал П. Небольсин, «бу... надевают на ребенка на один только день... после... подвязывается к зыбке, а когда ребенку минет года 2–3, тельник этот надевают... уже навсегда» [3, с. 85]. По свидетельству У. Душана, к талисману бу многие привешивали еще найденные в степи наконечники стрел, которые калмыки принимали за стрелы мифического дракона лу буугин сумн [4, с. 75], призванные оберегать даже от ударов молний. Практика ношения бу на шее, кистях рук и даже на ногах, вероятно, базируется на представлениях калмыков о существовании «каналов выхода души-жизненной силы» [12, с. 243] на теле человека. Расположение оберегов непосредственно над каналами защищало от проникновения вредоносных сил в тело человека. Такую же функцию выполнял оберег из первородных волос самого ребенка. Для этой цели родители собирали выпавшие детские волосы, укладывали их в тряпичный мешочек и пришивали его на одежде ребенка у шейного позвонка амин нургн (букв. дух-спина) [ПМА: 6]. Либо при слабости и болезненности ребенка срезали прядь волос до проведения обряда стрижки первородных волос. Локон, обернутый в ткань, пришитую к одежде, ребенок носил до тех пор, пока не вырастал из рубашки. Затем локон хранили на алтаре [ПМА: 5] или его «в специальной ладанке носила мать ребенка» [7, с. 530]. Локализация оберега в воротниковой области одежды указывает на направленную защиту шейных позвонков как одной из уязвимых частей тела ребенка. Согласно данным информанта, детям с двухлетнего возраста изготавливали оберег из костей зайца и челюсти лисы, который прикреплялся к вороту детской верхней одежды для отпугивания нечистой силы, поскольку он издавал шум при ходьбе [ПМА: 2]. По представлениям калмыков, лиса и хорек считались помощниками хозяина нижнего мира, чем объяснялось отрицательное отношение калмыков к этим животным. Вероятно, при изготовлении оберегов с использованием костей и шкуры данных животных использовался принцип тождества: они примут их за своих и не причинят вреда. Так, по сообщению У. Душана, по достижению детьми годичного возраста калмыки «...пришивают к вороту когти хищных птиц, делают бу из шкурки хорька, амулет из запястных костей зайца...» [16, л. 48]. Вместе с тем он отмечает существование запрета на изготовление одежды для детей из меха хищных животных, так как «эти животные будут всегда направлять свои острые зубы на ребенка» [16, л. 48]. Зафиксированная автором двойственность представлений, возможно, указывает

на противоречия (отличия), характерные для различных по происхождению групп в составе калмыцкого этноса. Другой исследователь, У. Эрдниев, отмечал частую практику прикрепления «к воротнику детской одежды (особенно шубы) трубчатых костей зайца: считалось, что этот амулет защитит ребенка от дурного глаза», что, по его мнению, указывало на бытование у калмыков в прошлом промысловых культов [15, с. 366]. Звон, производимый костяными оберегами, должен был отпугивать темные силы. Калмычки с 14-летнего возраста заплетали одну косу и считались «девицами на выданье» гиджигтя кююкн (букв. девушка с затылком, девушка с косой). По сообщению информанта, у основания косы они носили оберег из широкой тесьмы с нашитыми монетами, серебряными пуговицами или бусинами, создававшими мелодичный звон при ходьбе [ПМА: 6].

Изготовление оберега из первородных волос связано с воззрениями калмыков о волосах как местонахождении жизненной силы человека. Волосы на голове выполняли защитную функцию, прикрывая макушку, виски и затылочную часть – каналы проникновения в тело человека. В XIX–XX вв. у калмыков во время проведения обряда стрижки первородных волос «на голове мальчика оставались пучки волос на темени, затылке, висках и спереди надо лбом, а у девочки волосы подрезались в кружок вокруг головы» [10, с. 204]. Таким образом оставленные волосы служили естественным личным оберегом шогдамл, джоодмг. Для усиления эффекта к ним прикрепляли раковины каури, серебряные и медные монеты [16, л. 133]. И. Бентковский, отмечавший, что калмыки «...детей своих стригут гладко, оставляя только спереди, по краям, длинные волосы, в которые вплетают гривеннички, перламутровые пуговички, иногда медные крестики – что и составляет единственное украшение, а с ним вместе и выражение родительской нежности...» [17, с. 125], ошибочно принимал их за простые украшения.

Имя человека, по представлениям калмыков, определяло всю его дальнейшую жизнь. Если ребенок заболел, то причиной было несоответствие имени и судьбы ребенка. Во избежание смерти ребенка его необходимо было сменить на другое. Однако если дети в какой-либо семье часто умирали, то родители сразу давали новорожденному имя-оберег, которое не называло никого напрямую, а лишь иносказательно указывало на носителя либо имело отрицательное значение, являлось названием животного и т.д. Например, Мучиря – некрасивый (букв. плохое лицо), Мукевюн – плохой мальчик, Ноха – собака, Зурган (букв. шесть, т.е. обозначение шестого ребенка) и т.д. Происхождение таких имен связано с желанием родителей сохранить жизнь новорожденного и ввести в заблуждение злых духов, чтобы ребенок не был ими замечен. Очень часто младенца-мальчика нарекали женским именем, и наоборот [18, с. 65].

У калмыков новорожденного укладывали в колыбель после проведения обряда имянаречения или по достижении им месячного возраста. В ней он находился до тех пор, пока не начинал ходить. Такой длительный период нахождения в колыбели обусловил расположение оберегов непосредственно на ней. С этой целью калмыки подвешивали различные предметы, призванные оберегать его от нечистых сил, например, клык крота сохр номин соя. По преданию, клык стал обладать лечебными и охранными свойствами после поражения крота молнией [19, с. 37]. Однако калмыки неоднозначно относились к кроту. Появление его в кибитке вызывало панику, заставлявшую немедленно переставлять ее на другое место «... семь раз с первого места своей стоянки... при этом калмыки... один только раз переносят кибитку целиком, а потом только верхнюю часть» [20, с. 25]. Такое отношение было продиктовано тем, что крот – подземный житель, а, значит, связан с подземным миром. Кнут отца, подвешенный над колыбелью, должен был оберегать от любого приближения нечистых сил. Такую же обережную функцию выполняли нож или ножницы как острые предметы. С поверьем о возможности поселения нечистой силы связан обычай оставления топора или ножа в детской колыбели на время отсутствия малыша. Помимо личных оберегов калмыки совершали различные действия охранного значения здоровья и жизни ребенка. Так, например, новорожденного во время родов принимали в одежду ребенка из многодетной семьи, сообщали о появлении малыша иносказательно, скрывали его от общественного показа в течение длительного срока (до трех лет), наряжали мальчиков в одежду девочек, а девочек – в женскую одежду и т.д.

В современной родильной обрядности у калмыков многие обереги не потеряли своего значения, отмечается заимствование форм и видов оберегов у соседних народов. Калмыки продолжают практиковать ношение детьми бу, большей частью из серебра; хранение пряди первородных волос, пуповины; под матрас в детскую постель кладут ножницы или маленький нож, подкалывают с внутренней стороны одежды булавки; носят обереги, изготовленные знахарками других национальностей; меняют имя при заболеваниях и т.д.

Таким образом, у калмыков обереги в зависимости от тех или иных составных компонентов несут в себе различную символику определенной направленности. Часть оберегов указывает на существование в прошлом зоолатрических культов, имевших различные истоки. Использование берцовой кости и символики змеи в качестве оберегов продиктовано верой в магическую способность наделяния жизненной силой и чадородием. Изделия металлические, острые или из серебра, согласно представлениям, обладают защитными силами, что определяет их действие как оберегов, а числовая символика кодифицирует долголетие.

Библиографический список

1. Бакаева, Э.П. Магия в обрядах родинного ритуала у калмыков / Э.-Б.М. Бакаева Э.П. , Э.-Б.М. Гучинова // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1990.
 2. Житецкий, И.А. Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.) / И.А. Житецкий. – М., 1893.
 3. Небольсин, Н.И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса / Н.И. Небольсин. – СПб., 1852.
 4. Душан, У.Д. Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии / У.Д. Душан // Этнографический сборник. – Элиста, 1976. – Вып. 1.
 5. Лепехин, И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 г. и 1769 г. / И. Лепехин. – СПб., 1771. – Ч. 1.
 6. Нефедьев, Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н.Нефедьевым / Н.А. Нефедьев. – СПб., 1834.
 7. Паллас, П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи / П.С. Паллас. – СПб., 1773. – Ч. 1; – СПб., 1788. – Ч. 3.
 8. Шалхаков, Д.Д. Семья и брак у калмыков / Д.Д. Шалхаков. – Элиста, 1982.
 9. Хабунова, Е.Э. Очаг (обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков) / Е.Э. Хабунова. – Элиста, 2005.
 10. Эрдниев, У.Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.) : историко-этнографические очерки. – Элиста, 1970.
 11. Дарбакова В.П. Старое и новое в семейной обрядности калмыков // Теегин герл. – 1976. – №2.
 12. Бакаева, Э.П. К вопросу о знаковой функции украшений в культуре калмыков / Э.П. Бакаева // Монголоведение. – 2003. – №2.
 13. Бакаева, Э.П. Традиционные представления калмыков о жизненном цикле и их отражение в свадебном обряде / Э.П. Бакаева, Э.-Б.М. Гучинова // Обычай и обряды монгольских народов. Элиста, 1989.
 14. Бакаева, Э.П. «Двадцать копеек – это семьдесят денег» / Э.П. Бакаева // Материалы Конгресса этнографов и антропологов. – Саранск, 2007.
 15. Эрдниев, У.Э. Калмыки : историко-этнографические очерки / У.Э. Эрдниев, К.Н. Максимов. – Элиста, 2007.
 16. Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований (КИГИ РАН). – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 132.
 17. Бентковский, И.В. Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Вып. 2. – Ставрополь, 1869.
 18. Монраев, М.У. Калмыцкие личные имена (семантика) / М.У. Монраев. – Элиста, 1998.
 19. Борджанова, Т.Г. Магическая поэзия калмыков: исследования и материалы / Т.Г. Борджанова. – Элиста, 1999.
 20. Душан, У.Д. Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними / У.Д. Душан. – М., 1928.
- Список информантов (полевые материалы автора)
1. Окнеева Зинаида Павловна, 1936 года рождения, ульдючин, осрахна арвн.
 2. Бадлдаева Ноган Лиджиевна, 1913 года рождения, ульдючин, джиргмюд арвн.
 3. Убушиева Мария Кавкишевна, 1928 года рождения, хар ухса, анджатан шемнр, залхус арвн.
 4. Немышева Бата Павловна, 1934 года рождения, хонч нур, орткуд арвн.
 5. Санджиева Деля Нимаевна, 1921 года рождения, ик бухса, мангад арвн.
 6. Шураева Булгун Анджукаевна, 1925 года рождения, кетченер, арсгуд арвн.